

Н О В Ы Й М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1944 г.

№ 6—7

Год издания XXI

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
ЛЕОНИД ЛЕОНОВ — Взятие Великошумска, повесть	2
КОНСТАНТИН ЧИЧИНАДЗЕ — Путешествие в Среднюю Азию, стихотворения. Перевод с грузинского Бориса Серебрякова	56
АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ — Петр I, роман. Продолжение	61
А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ — Капитан 1-го ранга, роман. Часть вторая	76
ЛОЛАХАН ТУМАНОВА — Анфиса Никитишна, рассказ	88
С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — Пушки выдвигают, исторический роман. Окончание	102
АНАТОЛИЙ КУДРЕЙКО — Ключи, стихотворение	127
ВЕРОНИКА ТУШНОВА — Яблоки, стихотворение	127
Н. ЕМЕЛЬЯНОВА — «Сухие гвозди», рассказ	128
К. МУРЗИДИ — Горная невеста, поэма	132
П. К. ИГНАТОВ — Записки партизана. Окончание	135

Л. СКОРИНО — Сказы П. Бажова	179
В. КАНЕВСКОЙ — Памяти А. С. Новикова-Прибоя	191

БИБЛИОГРАФИЯ

Э. ПАПЕРНЫЙ — Книга о Чехове	198
А. МАКАРОВ — Записки подводника	200
А. КОСТИЦЫН — «Сталинские мастера»	201
Н. ОЗАРОВСКИЙ — «Студеное море»	202

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИГА О ЧЕХОВЕ*

Книга К. Полонской является одной из многих работ о Чехове, вышедших в дни войны, и уже одно это усиливает интерес к ней и заставляет подходить с особыми, повышенными требованиями. Книга состоит из нескольких разделов, посвященных отдельным сторонам творчества писателя.

Первая глава называется «Чехов — великий русский писатель и патриот». Здесь автор отмечает связь Чехова с лучшими гуманистическими устремлениями мировой и русской классической литературы: борьба за свободу личности, любовь к народу, внимание к жизни «маленького человека». Указывается, что борьба Чехова с пошлостью и равнодушием — проявление подлинной любви писателя к жизни. Но, правильно отмечая гуманистический, жизнеутверждающий характер чеховского творчества, автор очень мало говорит о Чехове-патриоте, не показывает, как гуманизм писателя сочетается с его глубокой, органической любовью к России: несколько общих фраз в конце главы в счет не идут. И поэтому заглавие первого раздела, столь ответственное и многообещающее, оказывается неоправданным, ибо облик Чехова, «друга России» (М. Горький), умного, любящего и правдивого, остается нераскрытым.

Автор почему-то совершенно не использовал многочисленные высказывания Чехова о России, о русском народе, о прекрасном будущем, которое ожидает его родную страну. За рамками работы оказались и интереснейшие воспоминания и высказывания современников Чехова о нем (Горький, Л. Толстой, Куприн, Короленко, Бунин, П. Сергеев и мн. др.). Все эти писатели и друзья Чехова единодушно отмечают глубокую, нежную любовь Чехова к России, его чисто русский народный облик.

Со страниц чеховских повестей, рассказов,

писем и заметок встает бескрайная многообразная страна «промадных лесов, необъятных полей, глубочайших горизонтов». Народ, который населяет эту страну, — сильный, честный и мужественный — подстать этой могучей природе и, в сущности, такая прекрасная жизнь должна быть в этой стране.

«Велика матушка Россия!» — восклицает Чехов. И, подхватывая эти слова, Горький в известной статье о Чехове пишет: «И огромные родятся в ней таланты, прекрасные глубокие сердца в ней есть! Будем верить, что хорошего не только больше, но и будет больше!» (Горький. «Литературные заметки», 1900).

Не сумев показать своеобразие и обаяние Чехова-патриота своей родины, автор не смог поэтому по-настоящему раскрыть и связь творчества Чехова с творчеством Максима Горького. Не сумел именно потому, что Горький наследует у Чехова тему России, наследует и развивает ее как одну из главных, определяющих тем. Чеховские слова «Велика матушка Россия!», «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми» могли бы стать эпиграфом к десяткам горьковских рассказов (цикл «По Руси»).

Далее автор переходит к характеристике «Эпохи, отраженной в творчестве Чехова». Вывод, к которому приходит К. Полонская, таков: «В творчестве Чехова отразились 80-е годы, с одной стороны — как сумеречная тяжелая пора, время измученных жизнью «хмурых людей», с другой — как время зарождения неясных еще и не вполне осознанных надежд и стремлений...»

Такое определение, конечно, верно, но совершенно недостаточно, если только им ограничиться.

Искусство Чехова связано не только с эпохой 80-х годов, но и с эпохой второй половины 90-х и начала 900-х годов, называемой Лениным эпохой подготовки революции.

* К. Полонская. Чехов. Ташкент, 1943.

Ведь именно в последние годы жизни создает Чехов самые зрелые, самые изумительные свои произведения — «Три года», «Крыжовник», Человек в футляре», «Дама с собачкой», «Три сестры», «Вишневый сад» и «Невеста».

В определении эпохи Чехова К. Полонская, к сожалению, пошла за теми критиками, которые объявляли Чехова «типичным восьмидесятиком», отразившим «мертвую полосу» в развитии России, забывая, что зрелый Чехов жила и творила в эпоху, овеянную дыханием приближающейся революционной бури.

Такое искажение исторической перспективы не могло не привести и действительно привело к одностороннему освещению чеховского творчества. Раз Чехов связан прежде всего с мрачной эпохой 80-х годов, то такой рассказ, как «Невеста», воспринимается как произведение, выпадающее из его творчества. «Активность бодрого и жизнерадостного настроения рассказа, — пишет Полонская о «Невесте», — резко отличает его от всех других произведений Чехова». При этом совершенно не улавливается органическое родство рассказа с такими произведениями 90-х и 900-х годов, как «Студент», «Учитель словесности», «Крыжовник» и другими. Тем более ошибочно противопоставление «Невесты» пьесе «Вишневый сад». «В «Невесте», — пишет автор, — нет лирической грусти о прошлом», в этом рассказе все далеко от поэзии «Вишневого сада». Утверждение это ошибочно потому, что лиризм последней пьесы Чехова связан отнюдь не с грустью об уходящем прошлом, а с радостным, волнующим предчувствием близкого счастья, счастья, которое вот-вот должно наступить. И в этом смысле нет никакой принципиальной разницы между характером звучания «Невесты» и «Вишневого сада».

Правильно подчеркивает автор прогрессивный и демократический характер творчества Чехова. Но говоря об отдельных фактах биографии писателя, он совершенно не считается с хронологической последовательностью изложения. Конечно, не обязательно было подробно говорить о сложной эволюции художника, воссоздавая весь процесс его развития, но наметить перспективу и направление этого развития, хотя бы бегло очертить основные моменты стремительного и неуклонного роста писателя было совершенно необходимо. А о какой же «перспективе» может идти речь, если автор сначала говорит об академическом инциденте 1902 года, затем — о деле Дрейфуса (как известно, разрыв Чехова с Суворинным в связи с этим процессом произошел в 1898 году) и только после этого о поездке Чехова на Сахалин в 1890 году!

Характеристике Чехова — «великого художника новой европейской литературы» посвящена самостоятельная глава.

На первый взгляд в этой главе все обстоит благополучно: говорится о мастерстве и лаконизме чеховского письма, об умении писателя двумя-тремя штрихами показать сложные изменения во внутреннем мире героев, о лиризме в его описаниях природы и т. д. Отметив эти особенности Чехова-художника, К. Полонская задается вопросом: «Что же новое внес Чехов в искусство, как удалось ему стать одним из создателей русского литературного языка и нового этапа в развитии русской литературы?»

И вместо ответа на этот важнейший вопрос автор говорит о «новом, поднимающемся художественном течении импрессионизма» с его «красочностью, точностью в передаче мельчайших оттенков настроения» и т. д. Импрессионистическая манера письма используется Чеховым для более точного и тонкого изображения явлений реальной жизни.

Спору нет, чеховская художественная манера действительно связана в отдельных моментах с творчеством художников-импрессионистов, но неужели это и есть ответ на вопрос о том, что нового внес Чехов в сокровищницу мировой литературы?

Не заимствуя художественные приемы у импрессионистов, а идя по пути самостоятельного творческого развития, разрешая сложные и жизненно важные вопросы, вызванные эпохой, создавал Чехов свои замечательные шедевры реалистического искусства.

Ленин в своих статьях о Толстом показывает, как «эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (Ленин, Собр. соч., Изд. III, XIV, стр. 400). А у Полонской получается, что «новое», «внесенное Чеховым в искусство», объясняется... его заимствованием художественной манеры импрессионистов.

Недостаточность характеристики Чехова-патриота, одностороннее определение эпохи, отраженной в его творчестве, сумбуриность изложения, при котором нарушается элементарная последовательность основных моментов развития писателя, — все это значительно снижает ценность книги К. Полонской. К этому можно было еще добавить, что в работе даже не сделана попытка как-то сопоставить творчество Чехова с его великими предшественниками в русской литературе, не говоря уже о том, что вопрос о глубокой связи Чехова и Горького, в сущности, остался почти не раскрытым. Вот почему книга К. Полонской не удовлетворит читателя.

Э. Паперный